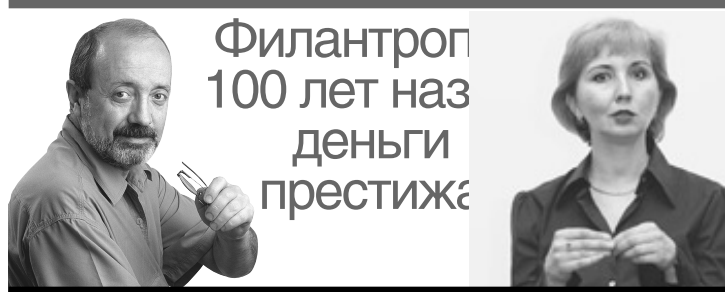

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ / www.rusfond.ru

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

Галина Ульянова

старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Когда восемь лет назад основатель Издательского дома «Коммерсантъ» Владимир Яковлев предложил идею Российского фонда помощи, он утверждал: пиар на благотворительности в России не пройдет. Страда православно, и добро надо творить анонимно. Он оказался прав. И не прав. Действительно, большинство читателей, помогающих бедствующим авторам писем в фонд, категорически возражают против публикации даже своих имен. Между тем историк Галина Ульянова утверждает: 100 лет назад 80% пожертвований в нашей стране делалось как раз ради престижа. То есть, говоря языком современным, благотворительность была имиджевой составляющей бизнеса.

Кандидат исторических наук Галина Ульянова является ведущим отечественным специалистом в области изучения истории российской благотворительности. Занимается также историей предпринимательства и промышленного развития, местного самоуправления, социальной истории. Свыше 150 ее научных и научно-популярных работ опубликовано в России, США, Германии и Финляндии. Наиболее известна монография «Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914». Лауреат премии митрополита Макария. — В прессе сейчас появляются статьи, пафос которых сводится к такой вот простой мысли: бизнес сегодня бесстыдно корыстен во всем, включая свою филантропию. Иное дело благотворительность до 1917 года. Наши предприниматели тогда оставались благочестивыми, анонимно жертвуют миллионы на развитие социальной сферы.

— Меня тоже многие годы занимает этот вопрос. Я не знаю, откуда это взялось. Но утверждение об анонимности дореволюционных филантропов — заблуждение, причем на удивление очень стойкое. Я занимаюсь этой темой в русле экономической истории и утверждаю: свыше 80% пожертвований в течение 50 лет до 1917 года были деньгами престижа. Они были корыстными? А что в этом плохого? Подконтрольные, они шли на благо дело. А 20% и впрямь шли под грифом «от Неизвестного».

К началу XX века в России насчитывалось 11 тысяч благотворительных заведений и обществ. До половины всех школ и больниц у нас создавалось и содержалось филантропами. Анонимные взносы делались в монастыри. Именные учреждения обычно открывались в честь умерших родителей и детей. Это приветствовалось.

В 1877 году появилось положение комитета министров «Относительно порядка присвоения особых наименований всякого рода учреждениям благотворительным и общепольным». Оно закрепило право присваивать стипендиям, больничным койкам и заведениям личные имена филантропов «в случае выраженного на то желания жертвователя». К тому времени в народе уже де-факто прижились названия типа «Морозовская богадельня» или «Карповская школа». А в Морозовской богадельне вполне могла быть Бугаевская палата, что означало: содержится купцом Бугаевым. Это шло даже не от стремления к правильному имиджу, как сказали бы сейчас. Надо же их было как-то называть при регистрации. — В чем же была корысть, если еще в начале XIX века, при Александре I, появился закон «О непринятии от порочных людей пожертвований и ненаграждении их за оные?»

— Были даже указы, запрещающие ордена и чины за благотворительность. И тем не менее. Об орденах за филантропию мне ничего не известно. А вот чины получали. Идеология требовала: жертвователю не должен искать награды. Но купцы жаждали повысить свой социальный статус. Они относились к низкому сословию и до 1861 года могли быть подвергнуты порке. Понимаете, уже богачи-миллионеры, а его могли заголотить — и розгами. А орден, считалось, — это уже иммунитет. И провалились ко лещу, а кто взяткой.

И в благотворительности находили лазейки. Дашь деньги на некое учреждение и становишься его попечителем. Попечитель мог быть включен в систему чиновничества. С восьмого чина человек мог рассчитывать даже на дворянство. И вот ты, купец, пять лет в одном чине, потом дал еще 100 тысяч — получил новый чин. Зарплаты по чинам, понятно, не полагались, зато было право носить мундир чиновника канцелярии и бывать в свете. Кстати, барон Кноп, в доме которого в Колпацком переулке сейчас один из офисов ЮКОСа, получил генеральский чин, построив больницу. С чинами человек входил в турскую несколько ступенями выше, чем на роду написано. Иерархия русского общества была строгой, только верхние четыре класса считались солью земли. Высокий чин помимо престижа давал новые связи и перспективы для дела. Так благотворительность открывала нужные двери и поднимала вес купца в обществе. А законодательство способствовало укреплению престижа благотворителей.

— Есть точка зрения, будто наши филантропы вкладывались «неправильно»: пожертвования проедались, не способствуя социальному развитию общества, как на Западе. — Я тоже слышала этот бред. Да, наша благотворительность отличалась от западной: меньшими объемами, большим влиянием на национальную модернизацию, если говорить о развитии социальной сферы. Для страны с крайне бедным населением влияние филантропии у нас было даже более значительным, чем на Западе. Пожертвования росли в геометрической прогрессии. Просто у нас позже началось. Хотя, знаете... Вот в Вологде в 1789 году был учрежден первый в России городской народный банк. Капитал собрали по подписке для взаимного кредита. И проценты за кредит потом использовались на поддержку благотворительных заведений. А при этом считается, что первый в мире городской общественный фонд возник в Америке в конце XIX века. Так мы плохо знаем историю.

Соне Зверевой хватит лекарства только на один курс

Соне Зверевой, 18-летней маме, о беде которой мы рассказали на странице фонда в мае, пока отправлено 296 200 руб. Мы рассчитывали собрать второе больше, но вышло так, как вышло, и по крайней мере на первый из трех курсов лечения в предстоящем году этих денег Соне хватит даже с лихвой. А у нас еще есть время собрать недостающие деньги. У этой девочки-мамы страшная и редкая болезнь — муковисцидоз. Она неизлечима, но если принимать специальные препараты, то живешь, как все, практически здоровым. Однако прекращение приема означает скорую смерть. Мы обязательно еще вернемся к Сониным проблемам. За подробностями и новостями обращайтесь на наш сайт rusfond.ru.

Напомню: больных муковисцидозом в России сравнительно немного, до восьми тысяч человек. Точнее, к сожалению, никто не скажет. Потому что еще десяток лет назад противоядия практически не существовало, и больные умирали, не доживая до совершеннолетия. Теперь если ребенку повезло и ему вовремя поставили диагноз, то до

Люда Фомичева меняет печень

Она просто заснет, поспит, и все будет хорошо

Когда мама Люды Фомичевой спросила профессора-трансплантолога Сергея Готье, можно ли избежать операции, профессор ответил, что девочка смертельно больна и родители не должны хотеть избежать операции. Должны готовиться к операции, мечтать об операции и искать чертову прорву денег, которая нужна для операции. Люда не слышала этих слов. И не надо, чтобы она читала эту статью.

Инна, мать двенадцатилетней Люды Фомичевой, говорит, что последний раз испытывала счастье в родильном зале. Все женщины испытывают счастье, разрешившись от бремени. Очень много эндорфинов в крови. Инна лежала и испытывала счастье несколько минут, пока ее новорожденную девочку Люду не завернули в больничные пеленки и не унесли куда-то. На этом счастье кончилось, и его нету с тех пор уже двенадцать лет.

Отец девочки пришел в роддом забирать жену и ребенка с цветами и с видеокамерой. Но Инна вышла к нему одна, а девочку, завернутую в роддомовское одеяло, пронесли мимо и на скорой отвезли в детскую больницу. Инну пустили к дочери только на следующий день и только на пятнадцать минут покормить. Строгая доктор отчитывала ее, что соображать же надо, что ребенок при смерти, и поинимать же надо, что нечего тут ходить лишний раз и носить бог знает какую инфекцию в палату к умирающему ребенку. А Инна думала, что если только ей отдадут девочку и если только она отвезет девочку домой, дальше все будет хорошо. Все женщины так думают, это инстинкт. Еще через три дня Инне запретили девочку даже кормить и брать на руки. Пускали только посмотреть не надолго, как девочка лежит, похожая на желтую тряпочку, и как в рот ей вставлена прозрачная трубка, и по трубке течет молочная смесь. На десятый день Люда совсем стала похожа на скелет младенца и должна была умереть, но почему-то не умерла. А еще через месяц ее выписали. Инна стояла в коридоре и благодарила строгую докторшу за то, что та выгнала ее девочку с того света. Строгая докторша плакала, и тесть пытался сделать вид, будто не плачет, но слезы текли. Она сказала:

— Я не знаю, девочка, что лучше. Может быть, лучше было бы, если б она умерла. Вам обещали. — Я очень люблю гулять, если кто-нибудь соглашается со мной погулять, но редко кто соглашается, потому что я очень маленькая. — Она и правда очень маленькая, и у нее невероятное сочетание очень взрослых глаз и совсем детского лица. Она говорит: — Я мечтаю поехать в лагерь, только я почти не умею спать одна. Что бы доказать маме, что я умею, я спала одну ночь на диване, и

мама меня отпустила на сборы на четыре дня. Там нас было пятеро девочек в палате, и я спросила девочек, можно ли я буду ночью чесаться, и они мне разрешили, только чтобы потихоньку. Но там трудно чесаться потихоньку, потому что ульи еще не сточились на спинке кровати и получаются громко. Мы сидим с Людой на ковре, и она рассказывает мне, что хотела бы стать адвокатом, и как уже однажды в школе она защищала девочку, которую бездоказательно обвинили в воровстве: — Как они могли обзывать ее воровкой? Они же должны были доказать! Они же не доказали! — Ты знаешь, как называется этот принцип, когда человек считается невиновным, пока его вина не доказана? — Не знаю. Как? — Презумпция невиновности. — Презумпция невиновности. Я запомню.

Взрослые вещи. Потом начинается интоксикация, и ребенок чувствует усталость, едва встав утром с постели. Портыятся память и зрение. Постоянный зуд в руках и ногах, такой, что девочка чешется о мебель, стачивая кожей утлы. А всю ночь, пока девочка спит, ее тихонько чешет бабушка, чтобы не проснулась от зуда. Потом ширроз, горловое кровотечение и смерть. Мы сидим с Людой на ковре, и она говорит: — Я очень люблю гулять, если кто-нибудь соглашается со мной погулять, но редко кто соглашается, потому что я очень маленькая. — Она и правда очень маленькая, и у нее невероятное сочетание очень взрослых глаз и совсем детского лица. Она говорит: — Я мечтаю поехать в лагерь, только я почти не умею спать одна. Что бы доказать маме, что я умею, я спала одну ночь на диване, и

Чтобы спасти Люду Фомичеву, надо \$28 649

Университетская клиника Сен-Люк (Брюссель, Бельгия) готова немедленно принять Люду Фомичеву на операцию по трансплантации печени и для последующего трехмесячного амбулаторного лечения. Единственное условие: 100% предоплаты. Стоимость трансплантации €84 286 или \$101 649.

Еще три месяца назад государство частично оплачивало операции «по жизненным показаниям» (то есть ввиду смертельной опасности) за границей, если их исполнение у нас признавалось невозможным. Случай Люды как раз такой, но ей очень крупно не повезло. Вот уже несколько последних лет специальная комиссия Минздрава РФ оплачивала таким образом лечение в размере двух третей стоимости. Одну треть, считалось почему-то, родители в состоянии оплатить сами, сколько бы такая операция ни стоила. Однако нынче в марте в связи с реформой Минздрава спецкомиссия прекратила работу. Выяснить, когда она возобновит свои заседания

Люда совсем не боится операции. Она боится только одиночества, когда вокруг одни врачи и мамы нет рядом

ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

и возобновит ли вообще, не представляется возможным. Все, с кем мы созванивались в новом Минздраве, ничего на этот счет не знают. И все же нам удалось найти две трети стоимости — \$73 тыс., из которых \$23 тыс. внесла компания «Ингосстрах» в рамках нашего договора (подробности — на сайте www.rusfond.ru) и еще \$50 тыс. перечислил по нашей просьбе друг фонда, желавший, как обычно, остаться неназванным. И все равно недостающая сумма остается огромной — \$28 649.

Может, это и к лучшему, что брюссельская клиника не принимает дробные суммы. В спасении Люды теперь может принять участие каждый, даже самым скромным вкладом. Переводы можно делать на счета Инны Фомичевой — долларовой в московском отделении Сити-банка (он имеет филиал в Брюсселе) и рублевой в Сбербанке. Их реквизиты можно получить в Росфонде. Экспертная группа Российского фонда помощи

Она вряд ли запомнит. Интоксикация, ухудшение памяти, усталость. Ей нужно делать пересадку печени в Бельгии, потому что в России таких операций не делают: Инна говорит, что в Бельгии, в Брюсселе, очень хорошая клиника, и там всего один процент — Инна не может выговорить, чего там всего один процент — смертельных исходов. Люда говорит мне, что операция совсем не боится. Боится только одиночества, когда вокруг одни врачи и мамы нет рядом, и еще боится уколь, потому что уколы делают плохо. А когда укол делают, просто засыпаешь, и все, просто спишь немножко, просыпаешься, и все хорошо.

Люда показывает мне своих удивительных черепашек, которые встают на задние лапы и едят все на свете: траву, колбасу, рыбу. Если Люде не сделать операцию, черепашки не переживут. ВАЛЕРИЙ ПАНОШКИН

Из свежей почты

Елена Буркова, 21 год, двусторонние вывихи бедер, коксартроз. Необходимо эндопротезирование, 126 860 руб.

Пожалуйста, помогите мне. Если бы не постоянные боли, я б не спешила с операцией. Но обезболивающие таблетки жраче в огромном количестве уже не действуют. Я на них с 14 лет. Врожденные вывихи бедер в раннем детстве обычно легко лечатся. То ли организм у меня такой неправильный, то ли оперировали неудачно, но стало хуже. Теперь спасет лишь замена суставов (платное эндопротезирование). Мне очень повезло: наш облздрав купил один протез. Сустав удлинили на 7 см, устранили ошибки прежних операций. И впервые в жизни правая нога не болит! Сращение костей идет медленно, вся нагрузка на левую ногу, очень больно, но я вытерпела. Врачи настаивают на срочной второй операции, но облздрав больше не платит. Поскольку и семья не в состоянии заплатить (мама лифтер, отец инвалид II группы), меня поставили в очередь на бесплатное протезирование. Это еще пять лет ожидания. Я учусь на пятом курсе университета, очень хочу жить, работать, любить, а не просидеть жизнь на шее государства. Прошу вас, примите участие в моей судьбе. С уважением Елена Буркова, Кемеровская область

Хирург Валерий Прохоренко (Новосибирск): «У Лены тяжелый болевой синдром, еле передвигается на костылях. Отсюда и срочность операции. Очень мужественная девушка, но без нашего вмешательства ее жизнь и впрямь бесперспективна. К сожалению, такие операции государство не квотирует».

Данила Матвеев, 3 года, острый лейкоз. Нужна годовая оплата такси для перевозки на амбулаторное лечение, 57 600 руб.

Раньше Данила болел редко. Летом в деревне очень любил грядки поливать: сам обольется, бегает и хохочет. Никому и в голову не приходило, что на него свалится такая беда. В ноябре он заболел гриппом. Температура 40 °С, прямо таяла на глазах. В Морозовской больнице (МДКБ) нашли острый лимфобластный лейкоз. Это рак крови. После хими Дани лишился иммунитета, в кишечнике завелся грибок. Нас опять в стационар. Спасли и теперь амбулаторно колот лекарства. Ездим в больницу дважды в неделю. И так еще год. Врачи запретили нам автобус и метро: любая инфекция — смерть. Только такси! А живем мы на Данину пенсию 1100 руб. Муж узнал о болезни и исчез. И мне не выйти на работу. Не могли бы вы помочь с оплатой такси? Поверьте, это не каприз, а страшная необходимость. Татьяна Матвеева, Москва

Завотделением МДКБ Константин Кондрачев: «Организм Дани еще поддается активной корректровке. Лечение оптимально, прерывать нельзя. Процедуры по три часа дважды в неделю. Общественный транспорт категорически не показан. Специалист Зеленоградского соцзащиты Наталья Лакотко: «Таксопарк тоже хочет помочь малышу! Ожидание у больницы за год обошлось бы в 74 880 руб. (4 руб./мин.), но таксопарк выставил счет только за километраж. Это 57 600 руб.».

Стас Захарич, 14 лет, врожденный порок сердца. Необходима срочная операция в НИИ кардиологии (г. Томск), 85 720 руб.

О том, что Стаса порок сердца, узнали случайно. Школьная медкомиссия обнаружила шум в сердце, и сына направили в кардиоцентр на УЗИ. А там велели срочно оперировать. Я в шоке. Оказывается, венозная кровь в его сердце смешивается с артериальной, растет давление в легких, а гипертония приводит к отеку легких. Работа всех органов нарушается. Нелеченные больше 30 лет не живут. У Стаса начальная форма гипертонии. Без имплантации окклюдера (это заплатка на отверстие в межпредсердной перегородке) я потеряю сына. Денег на операцию мне не найти. Отец Стаса разбился, упав с балкона. Получаем по потере кормильца 1130 руб. Я инженер, зарплата 3500 руб. Дочери Ане третий год. Предприятие в помощи отказало. А на прием к губернатору меня даже не записали. Помогите нам! Ирина Захарич, Томская область

Кардиохирург Сергей Иванов (г. Томск): «Оперировать Стаса надо безотлагательно: на этом этапе развития порока малотравматичная операция эффективна. Такие больные на третий день уходят от нас здоровыми».

Степа Ульянов, 11 лет, сирота, сколиоз IV степени. Спасет операция в Новосибирском НИИТО, 185 935 руб.

В нашем детдоме Степа с трех лет. Ранее жил с родителями, братьями и сестрой. Малыши голодали, подвергались физическому насилию, постоянно болели, и никто не занимался их лечением. Родителей лишили прав, детей поместили в детдома. Степа открытый мальчик с очень грустными глазами. Любит стихи, мастерит изумительные поделки из дерева и ниток. Не комплексует, во все же плачет, когда дразнят горбатым. Мы успокаиваем: вот сделаем операцию, и конек дразнилкам. Профессор Михайловский назначил срочную операцию. Иначе рост горба не остановит. Всем детдомом просим помочь мальчику, иначе его будущее — дом инвалидов. А он такой любознательный и трудолюбивый. Душа за него болит. Директор детдома «Колосок» Галина Корнева, Кемеровская область

Завотделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Грубый сколиоз, искривление позвоночника — 60 градусов. Исправить нетрудно, но нужен дорогостоящий инструментарий. А мальчик-то детдомовский, там бюджет сами знаете какой. Хорошо, что учителя не оставили Степу в беде и ищут деньги».

Лида Никитина, 1 год, ДЦП, гиперкинетическая спастика. Необходимо четыре курса лечения, 120 000 руб.

Дорогой фонд! От души благодарю всех, кто оплатил мою инвалидную коляску. Я же с детства без обеих ног. Благодаря ей беременность протекала замечательно. На оставшиеся деньги купили все для ребенка. Я была счастлива, берегла себя и свой живот! Но вместо того чтобы сделать кесарево сечение, в роддоме захотели рискнуть: при естественных родах ребенок здоровее. И упустили момент. Ребенок задышал в утробе, захлебнулся. Пострадал головной мозг. И мне не сказали. О том, что у нас девочка, что она в реанимации и сама не дышит, я узнала от мужа. Слава Богу, она выжила. Домой дочку отпустили через месяц. Она была как сжатый комочек. Из-за гипертонуса не спала ни днем, ни ночью и все время плакала. В полгода диагноз: детский церебральный паралич. Первый курс лечения в НТЦ оплатила ваша читательница Алена. И Лидочка стала держать голову! Пока она маленькая, можно многое исправить. Одного нельзя: прервать курсы. Я в отчаянии. Пенсия мужа (он инвалид III группы) 900 руб., моя — 1700. Молю, помогите! Всю жизнь будем помнить ваше благородство. Наталья Никитина, Санкт-Петербург

Завотделением НТЦ Ольга Тарасова (Москва): «У Лиды тяжелое поражение головного мозга, сильная спастика. Нам удалось уменьшить тонус, улучшить вертикализацию. Сохранный интеллект, есть перспективы развития. Но еще не меньше четырех курсов! Эту семью невероятно жаль, хочется помочь».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года как попытка помочь авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в «Б», «Домовом» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше \$5,7 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зряновская» (Кузбасс), 57 семьям горевших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро.

Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адреса фонда: 125252 г. Москва, а/я 50; www.rusfond.ru; e-mail: fr@kommersant.ru.

Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

Спасибо! ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи